

ПРИНЦИПИАЛЬНО МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

Эм. МИНДЛИН

СТАРЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ГОРОД...
КАКОВ ОН ТОЛЬКО СТУДЕНЧЕСКИЙ!

Он говорил, сидя за моим крошечным столиком в кафе «Тарту» на улице Юлякооди, в двух шагах от знаменитого университета. Столик так мал, что два блюдечка с чашечками черного кофе теснили друг друга и не оставляли места для третьего. Он говорил не столько прихлебывая из чашечки, сколько вдыхая ее кофейный ароматический пар.

— Тартусца надо понять, когда он протестует против угрозы индустриализации Тарту.

— Угрозы? Но, согласитесь, это странно звучит. И так ли уж «угрожает» Тарту индустриализация?

— О, вы человек пришлый и судите по стандарту. Да, такие намерения существуют. По счастью, пока не больше, чем только намерения. Но угроза — как же не быть ей! Весь быт Тарту веками — подчеркиваю: веками! — складывался, оттаивался как бы принципиально маленького университетского города. Он маленький, но в нем — старейший университет с всемирными связями и всемирной славой. В нем 6 научно-исследовательских институтов и обществ, 10 библиотек, 10 великолепных музеев! Кроме университета с его шестью факультетами, есть еще Эстонская сельскохозяйственная академия с пятью факультетами. Есть лучший в Эстонии театр «Ванемуйне», который именно потому и лучший, что он — в маленьком городе. И, между прочим, самый старый, первый в эстонской истории театр. Вам, может быть, неизвестно, что нашему «Ванемуйне» исполнилось 98 лет! Единственный во всей Советской стране театр, где одни и те же артисты и в одном и том же сезоне попеременно играют в драме, поют в опере, представляют в оперетте и даже танцуют в балете! И все это только потому, что наш город... принципиально маленький город!

Я выхожу из кафе убежденный, что судьба поблела мне на какие-то полчаса собеседника-чудака, имени которого я даже не знаю. По всей вероятности, кого-нибудь из профессоров университета или научного работника библиотеки или музея, может быть, упрямо консервативного педагога...

Ладно, посмотрим свежим взглядом пришлое человека на этот маленький, необычный город на берегу реки Эмайыги. Посмотрим на его громадный парк на зеленых холмах Тоомемяги, старейший город на развалинах собора XIV века на вершине холма, на старинную ратушу на площади Ньюогуде, на готическую Яновскую церковь XIV столетия. Город с его старинным университетом, украшенным портиком, о шести колоннах тосканского ордера, с только что открытым для зрителей новым, сверкающим мрамором и стеклом зданием театра «Ванемуйне», город с его бесчисленными кафе и его диковинными домами с возмущающими надписями по фасаду: «Дом XVI столетия», «Дом XVII столетия», а то и просто: «Старейшее здание города Тарту», с его памятниками писателям, ученым, революционерам, художникам, просветителям, с огромным жертвенным камнем в священной дубовой роше древних эстов на Тоомемяги... Город-музей? Город-памятник? Не прав ли мой собеседник в кафе? Не принципиально ли это маленький город? Пусть относительно маленький. Но важно, что прежде всего университетский город-музей, как, скажем, английский Оксфорд или германский Гейдельберг.

И верно ли, что индустриализация, которой так страшится мой собеседник (и не только, но только он!), впрямь грозит нарушить мирное течение жизни этого города-интеллектуала, города науки и искусств — тащайшего, бережно охраняемого средь городской тишины каждый камешек прошлого?

Я проезжаю его из конца в конец и дивлюсь его протяженности. Если он и мал, то только по числу жителей, но никак не по пространству, на котором раскинулся. Машина пролетает по длинным улицам, обитателям которых невольно завидуешь. Одноэтажные, двухэтажные новехонькие особняки современной архитектуры (и ни один не повторяет архитектуру другого!) погружены в зеленые волны садов. Перед каждым (это уже чисто эстонская примета) каменная горка с посаженными густо цветами между камней. Я замечаю: эстонцы больше всего любят цветы лиловой окраски... Очевидно, эти «окрашенные» улицы заселены ищущими покоя профессорами, или художниками, или писателями? О нет! Оказывается, это дома рабочих. Знаете, отсюда близко к яхт-предприятию. Вот как? Тарту обернулся к моему неожиданной стороной. О ней умолчал мой собеседник в кафе. Окружение индустриальных предприятий несколько не нарушило привычного уклада и темпа жизни города Тарту. Да так не нарушило, что боющийся индустриализации города мой собеседник даже и не заметил

того, что индустриализация давно уже наступила!

И предприятий здесь не так уж мало. Авторемонтный завод. Алюминиевая фабрика. Бетонный завод. Сельскохозяйственных машин «Выйт». Завод строительных материалов. Завод железобетонных изделий. Приборостроительный. Ремонтный. Консервный. Лесокосбинат. Комбинат молочных продуктов... Я насчитал свыше 30 довольно больших индустриальных предприятий нового Тарту. И среди них, между прочим, гребеночную фабрику, ту самую, что к пятидесятилетию Каарела Ирда, руководителя театра «Ванемуйне», преподнесла ему собственного изделия расческу... со стихами... Торчащие во все стороны волосы неистового Каарела Ирда символизируют его неистовство на театре...

Театр «Ванемуйне», которым так гордятся тартусцы и с ним вся Эстония, — один из самых удивительных театров Советской страны.

В числе своих постоянных зрителей он насчитывает и немалое число рабочих города Тарту. В городе с его 85 тысячами жителей в театре «Ванемуйне» ежегодно бывает до 120 тысяч зрителей! Театр в Тарту в такой же мере сердце и душа города, как и его знаменитый университет. Да и существование их неразрывно с давних времен — театра и университета. Уже в конце XVI века, когда здесь существовала Академия Густавиана — предшественница современного университета, в Тарту давались первые спектакли на латинском языке. Играли студенты Академии Густавиана. Когда в самом начале XIX века был основан университет, Александр I запретил в этом городе театральные представления: как бы театр нравственно не «разложил» студентов! Но это не мешало любительским спектаклям в частных домах. В одном из них будущий великий хирург Пирогов играл роль Митрофанушки в «Недоросле» Фонвизина...

Ванемуйне — бог песни в эстонском эпосе. Более 100 лет назад первое певческое общество в Тарту получило имя бога песни. В 1870 году, в 5-летие общества, была поставлена пьеса Лидии Койдула — классика эстонской литературы. Так родился первый национальный театр «Ванемуйне». Не удивительно, что сейчас на афише театра я читаю названия и опер, и оперетт, и балета, и драмы. То нестыжимо, что одни и те же имена актеров театра я встречаю то в списке действующих лиц драмы, то оперы, то оперетты, а имена некоторых из них даже и в списке актеров балета. Позвольте, но нельзя же быть одновременно и оперным певцом, и драматическим артистом, и опереточным, и даже... артистом балета! Можной Диву даешься, когда смотришь балерину в драме и драматического актера, поющего в опере. Каарел Ирда и его талантливейшая соратница Эп Кайду не только умеют находить таланты, но и воспитывать — нет, перевоспитывать их!

Я с любопытством захожу в зрительный зал только что открытого великолепного здания театра — и настораживаюсь. Обитый черным бархатом зал, черные бархатные кресла на ослепительно белом полу. Зал сеница — на 700 мест. Но сцена с порталом, обтянутым черным бархатом, — гигантская в нарушение всех норм. Каарел Ирда с улыбкой рассказывает, как бился за размеры сцены, не соответствующие по нормам размеру зала.

Зал переполнен. Отличить здесь только что приехавшую за сто километров колхозницу от жены профессора или рабочего от студента или доцента — нелегко. Как на подбор, все без всякого исключения мужчины в строгих черных парах, все женщины... Но тут я предпочитаю предостеречь слово моей жены, по мнению которой, женщины в зрительном зале одеты если не все по самой последней моде, то, во всяком случае, так же безукоризненно.

Только что, входя в театр, я видел перед его подъездом добрый десяток больших городских автобусов. За 60—70—100 километров эти автобусы привезли зрителей из колхозов и совхозов. Не менее трети зала — серьезные молодые и немолодые люди в черных парах с дамками в элегантных туалетах — это рабочие тартуских заводов и фабрик. Примерно половина зала — университетская публика: студенты, профессора, аспиранты. Ба! Вот и моя знакомая — Айли Рихардовна Суур. Только вчера она принимала нас с женой в научной библиотеке университета. Библиотека встроена в часть развалин Домской церкви на Тоомемяги. Айли Рихардовна водила нас по сокровищнице библиотеки, показывая сотни яхнабула XV столетия (первопечатных

книг), издания эльзевиров, первоиздания «Утопии» Томаса Мора, книг Дж. Бруно, Ньютона, Декарта, оригиналы рукописей Гёте, Моцарта, Ломоносова, Шампольона, Бетховена, Наполеона, Фарадея, Дидро... Обширный фонд диссертаций (свыше 300 тысяч, начиная с XVI столетия), и среди них — диссертация Кюри, Макса Планка, Пирогова, Бурденко...

Дух захватывало в этой сокровищнице!

Но вот в зале раздается странная неожиданная музыкальная мелодия — гобой и арфа, я даже не сразу понимаю, что это значит. Через некоторое время мелодия звучит снова... Она мгновенно ссызает всю публику из беломраморных фойе в чернотелый зал, где ничто не отвлекает от сцены. Мелодичный дуэт арфы с гобоем заменяет в театре звонок. Но что это за мелодия? Дней десять спустя я был на рыбацьем острове Кихну и в лесу на берегу моря услышал там и узнал ту же мелодию. Кто-то наигрывал ее на дуде. В Пярну на аэродроме ее напевала девочка, продавщица мороженого. В Таллине ее насвистывал чистильщик сапог. «Что вы насвистываете?» Он пожал плечами: «А я почему знаю! Все поют, и я пою». В Тарту я бросился к Ирду: «Что это за мелодия вашего звонка, которую и наигрывают на острове Кихну, и насвистывает таллинский чистильщик сапог, и напевает продавщица мороженого в Пярну?»

«О, это есть один мотив из самой первой эстонской оперы. Оперу все забыли, но мотив стал так популярен, что мы взяли его для «звонка!»

А как дисциплинирована театральная публика, ссызавшая этой мелодией в зал! Пока в последний раз (после аплодисментов) не опустятся занавес, пока не выветятся на потолке звезды-лампочки, ни один человек в зале не поднимется с кресла. В сущности, я еще ничего не сказал о театре. И почти ничего о Каареле Ирде, бывшем мальре, вот уже 27 лет руководителе театра, учителе целой плеяды эстонских актеров, авторе многих книг, лекторе, неистовом спорщике. И ничего о прелестной певице и драматической актрисе Айде Труу, и ничего об Эйнари Коппеле, который в пьесе «Королю холодно» играет старого, усталого и совсем не смешного шута, одетого в визитную пару. И ничего о других удивительных мастерах этого театра. Да простят они все меня — место в газете так ограничено, а ведь я должен писать не только о театре...

В зрительном зале театра — три группы зрителей: рабочая, колхозники и научная университетская интеллигенция города. Ирда говорит по этому поводу: «Если бы мы ориентировались только на одну из этих трех групп, мы бы играли всегда перед полупустым залом». Это уже особый вопрос, как Ирда составляет репертуар, как сливает в своем театре три группы зрителей в одну общую так, что всем им одинаково интересно — рабочему, колхознику и профессору. Не потому ли он умеет это делать, что не приспособляется ни к одной из трех групп? И не потому ли это ему удается, что существует общность их интеллектуальных интересов, именно в Тарту заметная более чем где бы то ни было. Рабочий тартуского завода не остается вне влияния, вне влияния Тартуского университета. В этом городе 5 средних школ рабочей молодежи, заочный факультет Сельскохозяйственной академии, заочная средняя школа и около 500 преподавателей университета. Многие из них преподают и в школах рабочей молодежи, и на заочных или вечерних факультетах, читают лекции на предприятиях. Преподают рабочим и студенты — старшекурсники... Это — в городе. Но в большей степени Сельскохозяйственной академии, сказывается на интеллектуальном уровне людей из колхозов и совхозов, окружающих Тарту... А театр в свою очередь ведет неустанную работу среди них, я не только в зрительном зале. Процесс двусторонний. Театр здесь — нечто вроде седьмого университетского факультета, Нет, пожалуй, — восьмого, потому что сельской — это недавно открытый факультет общественных специальностей. Цель его — дать каждому студенту, помимо основной специальности, еще одну — общественную...

Я заходил потом в кафе «Тарту» еще и еще. Очень хотелось вновь встретиться с собеседником — зайти в «принципиально» маленького города Тарту, поделиться с ним впечатлениями.

Но, увы, до самого отъезда я больше ни разу не встретился со своим собеседником...